

НЕГРОМКАЯ МУЗЫКА ДУШИ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Я. П. ПОЛОНСКОГО

У Достоевского в «Униженных и оскорбленных» Наташа наизусть читает стихи:

«То вдруг слышится мне —
страстный голос поет,
С колокольчиком дружно
звоня:
«Ах, когда-то, когда-то
мой милый придет,
Отдохнуть на груди у меня!
У меня ли не жизни! Чуть
заря на стекле
Начинает лучами
с морозом играть,
Самовар мой кипит
на дубовом столе,
И трещит моя печь,
озаряя в угле
За цветной занавеской
кровать...»

— Как это хорошо! Какие
это мучительные стихи, Ваня,
и какая фантастическая, раз-
дающаяся картина. Канва од-
на, и только намечен узор,
— вышивай что хочешь... Этот
самовар, этот ситцевый занавес,
— так это все родное...
А потом другая картина:

«То вдруг слышится мне —
тот же голос поет,
С колокольчиком грустно
звоня:
«Где-то старый мой друг?
я боюсь, он войдет
И, ласкаясь, обнимет меня!
Что за жизнь у меня! —
И тесна, и темна,
И скучна моя горница;
дует в окно...
Что за жизни! Полянал
пестрый полога цвет;
Я больная брожу и не еду
к родным,

Побранить меня некому —
милого нет...»
— ...Господи, как это хоро-
шо! Как это бывает!»

Стихи эти («Колокольчик») — один из лирических шедевров Якова Петровича Полонского.

Достоевский устами своей героини коротко сказал о том, что составляет силу и очарование лучших стихов Полонского. Это проникновенный лиризм, открытая эмоциональность и драматическое напряжение лирической речи, умение рисовать вот такие «раздающиеся картины», где все дано лишь намеком и остается простор для воображения читателя, наконец — тонкое, опять-таки лирическое, ощущение национальной русской жизни, и все это зачастую — на зыбкой, почти неуловимой грани реального и фантастического, будничных подробностей и волшебных видений. Любимый прием Полонского — погрузить бытовую сюжет в атмосферу «пророческих снов», и нужно признать, что владел он этим приемом мастерски.

В свое время Добролюбов, одобрительно отозвавшийся в «Современнике» о сборнике Полонского (1859 года), истолковал «сказочный элемент» в его стихах как своеобразную форму романтического протеста против скучной, пошлой, уродливой жизни, которая окружала поэта, как попытку обретения им «своей особенной действительности». И в самом деле, приглушенное, но тем не менее явственное звучание гражданственной ноты можно уловить во многих лирических стихах Полонского, в том же «Колокольчике» хотя бы.

Впрочем, есть у Полонского и открытые выражения гражданского чувства. Не будучи по человеческому и поэтическому характеру, по природе душевных переживаний борцом и трибуном, он в пору своего творческого подъема чутко и с живым сочувствием прислушивался к тому, чем жила, о чем думала, на что надеялась передовая Россия. Широко известно, стало хрестоматийным сильное восьмистишие Полонского:

Писатель, если только он
Волна, а океан — Россия.
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.
Писатель, если только он
Есть нерв великого народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода.

Правда, далеко не всегда удавалось Полонскому высказаться так прямо и отчетливо. Он писал много,

разбрасывался, искал себя в разных жанрах. Кроме интимной и гражданской лирики, есть у него сатира, исторические баллады, несколько длинных поэм, драма, рассказы, романы, очерки. Даже если говорить только о стихах, среди написанного много бесполезного шлама или, как выразился сам Полонский, «солосы». Он сразу спал с головы, как только пускался в рассуждения (по большей части довольно наивные) или в описательство (всегда многословное и вялое).

Подлинной творческой стихией Полонского была стихия чистого лиризма. И в этой области ему удавалось создавать вещи высокого совершенства. Достаточно назвать «Пришли и стали тени ночи», «Зимний путь», «Дорогу», «Затворницу», «Какку в бурю», знаменитую «Песню цыганки» («Мой костер в тумане светит...»), которую пела и доныне поет вся Россия, уже помянутый «Колокольчик», «Узницу» («Что мне она! — не жена, не любовница...»), из более позднего — «Зимой, в карете».

Именно в лирике обрел Полонский настоящую песенную силу и истинное изящество, тот «особый лад», ту «простодушную грацию» и «смелую простоту выражений», которые находили в его поэзии расположенные к нему современники. Простодушной грацией дышат многие сти-

хи Полонского, хотя бы вот эти — о «холодеющей ночи», которую поэт взял себе в подруги и которая сама с ним

...ночевала
Над рекою, у скирдов,
Вся тонким ароматом
Рано скошенных лугов.

Основной тон поэзии Полонского — легкая, негромкая «музыка души». Но порою ему бывала доступна и великолепная энергия поэтического выражения. Вот, к примеру, в каких угловатых, но пружинистых стихах передал он свои настроения «на пути из-за Кавказа», когда молодым человеком возвращался на родину, полный надежд на будущее:

Душу, к битвам житейским
готовую,
Я за снежный несусь перевал,
Я Казбек миновал,
я Крестовую
Миновал — недалеко
Дарьял...

В стороне слышу
карканье ворона —
Различаю впотьмах труп
коня —
Погоняй, погоняй!
тень Печорина
По следам догоняет меня...

Полонскому суждена была долгая и не очень счастливая жизнь. Он родился в год, когда Пушкин еще только писал свою первую поэму, а Лермонтову было всего пять лет. А умер (в 1898 году), когда на литературной сцене уже шумно подвизались декаденты. Век свой Полонский прожил нелегко, «по торжищам влача тяжелый крест поэта». Хотя его и оценили по

достоинству такие люди, как Тургенев и Некрасов, Достоевский и Тютчев, Фет и Чехов, хотя у него и учились Бунин и молодой Блок, он не знал, да и за гробом не дождался, настоящего, большого успеха и общего признания. С горечью говорил он: «Не велика моя нива, не весела моя жатва...»

Но через всю жизнь пронес он веру в чудесную силу поэзии и высокое назначение поэта. Александр Блок, размышляя в годы реакции о судьбах русской литературы, не случайно вспомнил, как «потрясали сердца» (потому что «вызывали к жизни высокие и благородные чувства») старые русские поэты и в их числе — Яков Петрович Полонский «с торжественно протянутой и романтически дрожащей рукой в грязной белой перчатке».

Полонский, конечно, не принадлежит к числу корифеев русской поэзии. Но в лучшем, что им написано, он и для нас остается прекрасным лирическим поэтом — задушевым, искренним, непринужденным, тонко музыкальным, с самобытным обликом и со своим, пусть не очень громким, но берущим за душу голосом.

Перечитывая Полонского (а читать его нужно не торопясь, с выбором), в который раз убеждаешься, до чего же велика и богата русская поэзия!

Вл. ОРЛОВ

«О ЖИВОПИСИ МЕЧТАЮ...»

Поэзия Я. П. Полонского широко известна. Полонско-го-художника знают мало.

Серьезный интерес к рисованию проснулся у Полонского уже после окончания университета, когда поэт служил в канцелярии наместника Кавказа Воронцова, в Тифлисе. Природа Кавказа, его люди захватили поэта. В записных тетрадях, заполнявшихся на ходу, у вечернего костра, в палатке, появляются стихи, черновики очерков и рассказов, начала комедий и драм — и огромное количество рисунков.

С этого времени альбом художника становится непременным спутником поэта...

Позже занятия рисовани-

ем и живописью стали любимой формой отдыха поэта.

Тяготая к пейзажу, поэт взял за обыкновение рисовать и писать места, где он бывал. Так появляются виды горных курортов Австрии, суровые пейзажи побережья Балтийского моря, окрестности Петербурга, этюды с видами Спасского-Лутовинова, кстати, первые и единственные изображения родного гнезда Тургенева, написанные при жизни писателя.

Живописное наследие Полонского дополняет наши представления об этом разносторонне одаренном литераторе.

Н. ФОНЯКОВА

Рисунки Я. П. Полонского